

На правах рукописи

Сай Сергей Сергеевич

К ТИПОЛОГИИ АНТИПАССИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ:
СЕМАНТИКА, ПРАГМАТИКА, СИНТАКСИС

10.02.20 – сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Санкт-Петербург

2008

Работа выполнена в Лаборатории типологического изучения языков
Института лингвистических исследований РАН

Научный руководитель	доктор филологических наук, профессор Недялков Владимир Петрович
Официальные оппоненты	доктор филологических наук, профессор Касевич Вадим Борисович,
	доктор филологических наук, профессор Плунгян Владимир Александрович
Ведущая организация	Российский государственный гуманитарный университет

Защита состоится 17 июня 2008 года в 14 часов 00 мин. на заседании диссертационного совета Д 002.055.01 при Институте лингвистических исследований РАН по адресу: 199053, Санкт-Петербург, Тучков пер., д. 9.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института лингвистических исследований РАН.

Автореферат разослан ___ мая 2008 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета

В.В. Казаковская

Диссертационное исследование посвящено типологии антипассивных конструкций в аспекте соотношений их форм и функций.

Понятие антипассивной конструкции было введено в аппарат типологических исследований в 70-е годы прошлого века в связи с обнаружением в ряде эргативных языков маркированных структур простого предложения, характеризующихся смещением в периферийную позицию пациентивного участника и, как следствие, интранзитивацией синтаксической структуры. Антипассивная конструкция представлена, например, в чукотском предложении (2), которому может быть сопоставлено предложение (1), содержащее соотносительную переходную конструкцию¹:

- (1) *Ейвал-е* *кэйң-ын* *пэңры-нэн*
Сирота-ERG медведь-ABS наброситься-AOR.3SG>3SG
‘Сирота набросился на (≈ атаковал) медведя’.
- (2) *Ейвал-Ø* *кайң-эты* *пэңры-тко-гъэ*
Сирота-ABS медведь-DAT наброситься-ANTI-AOR.3SG
‘Сирота набросился на медведя’.

Антипассивные конструкции демонстрируют значительное типологическое разнообразие, как в плане форм, так и в плане функций. В современной лингвистике не получили удовлетворительного решения многие теоретические проблемы, возникшие по мере накопления эмпирического материала в исследуемой области. К числу таких проблем относится, например, вопрос о существовании антипассивных конструкций в языках аккузативного строя. Разработка теоретического аппарата, связанного с выделением антипассивных конструкций, подводит к мысли о том, что в типологию таких конструкций могут быть включены многие синтаксические явления, которые на предыдущих этапах развития лингвистики либо не замечались вовсе, либо описывались в рамках совершенно иных понятийных систем.

Эмпирически обоснованным и типологически оправданным оказывается такое определение антипассивной конструкции, при котором она понимается как маркированная – т.е. противопоставленная базовой – конструкция простого предложения, в которой семантически присутствующий в пропозиции пациентивный участник оказывается удален (смещен в косвенную позицию, как существительное со значением ‘медведь’ в примере (2), или опущен) из позиции, которую он занял бы в соотносительной базовой переходной конструкции.

¹ Чукотские примеры (1), (2) и приводимый ниже пример (3) взяты из работ В.П. Неделкова.

Большие сложности связаны и с установлением возможных функций антипассивных конструкций. С одной стороны, выяснилось, что в большинстве случаев использование антипассивных конструкций связано с понижением семантического и / или прагматического статуса пациентивного участника двухместной предикации. С другой стороны, были обнаружены и такие языки, в которых функции антипассивных конструкций, по крайней мере на первый взгляд, не укладываются в рамки даже такой общей семантико-прагматической характеристики.

За последние тридцать лет появилось множество работ, посвященных антипассивным конструкциям конкретных языков. Однако обобщающих исследований, посвященных типологии антипассивных конструкций, до сих пор очень немного, преимущественно они носят эскизный характер.

Таким образом, **актуальность** работы обусловлена необходимостью изучения возможных форм и функций антипассивных конструкций на обширном типологическом материале и нерешенностью вопроса о том, каким образом различные функции этих конструкций соотносятся друг с другом.

Новизна работы определяется привлечением материала языков, антипассивные конструкции которых в типологической перспективе ранее не рассматривались или рассматривались ограниченно, систематическим описанием функционирования антипассивных конструкций различных языков в рамках функционально-типологического подхода, а также анализом данных русского языка (в том числе целенаправленно не изучавшихся инновативных употреблений возвратных глаголов) в свете современных представлений о типологических характеристиках антипассивных конструкций.

Целью работы является установление возможных отношений между структурой и функцией антипассивных конструкций в различных языках, а также выяснение того, каким образом функции антипассивных конструкций связаны друг с другом.

Для достижения данной цели были поставлены следующие **задачи**. 1) Основываясь на анализе морфосинтаксических фактов различных языков и учитывая современные типологические представления, предложить определение антипассивной конструкции. 2) Обрисовать грамматикализационный «жизненный цикл» антипассивных конструкций – от их возникновения на базе других конструкций до возможных путей их исчезновения. 3) Соотнести различные функции антипассивных конструкций с этапами описываемого грамматикализационного развития. 4) Предложить детальный анализ доселе малоизученных фактов одного отдельно взятого (русского) языка в свете современных представлений о типологии антипассивных конструкций.

Для реализации поставленных задач были использованы следующие **методы**: при анализе разноструктурных языков функционально-типологический метод и сопоставительный метод; при анализе данных русского языка методы анализа спонтанной речи и обращение к интроспекции говорящих и слушающих; в отдельных случаях привлекались методы корпусного исследования, а также методы внутренней и внешней реконструкции.

Материалом работы являются данные, почерпнутые из грамматических описаний разноструктурных языков различной генетической принадлежности (чукотско-камчатских, нахско-дагестанских, эскимосско-алеутских, австронезийских, салишских, майя, пама-ньюнга и многих других; всего к обсуждению в том или ином виде привлекаются данные 153 различных языков из 33 семей), дневниковые записи спонтанной устной речи, тексты, взятые из корпусов, сведения, почерпнутые из типологических баз данных.

На защиту выносятся следующие **положения**.

1. Различные признаки и критерии антипассивных конструкций, предлагавшиеся в научной литературе (смещение или удаление пациентивного участника, интранзитивация клаузы, противопоставленность базовой эргативной переходной структуре, наличие глагольного маркера антипассива, сохранность пропозициональной семантики при переходе от базовой переходной структуры к антипассивной, продуктивность соответствующей деривации) оказываются логически и эмпирически относительно независимыми друг от друга.

2. В ходе жизненного цикла антипассивные конструкции возникают на базе других структур, в частности, рефлексивных, полипредикативных, а также конструкций с семантикой обобщенного объекта. На основе этих структур путем грамматикализации развиваются продуктивные антипассивные конструкции, сосуществующие с базовыми переходными структурами, но отличающиеся от них пониженным семантическим и / или прагматическим статусом пациентивного участника (что иконически отражается и на уровне синтаксиса). Концом жизненного цикла антипассивных конструкций является лексикализация или генерализация.

3. Если определенная антипассивная конструкция того или иного языка в некоторых контекстах оказывается мотивирована только формально-синтаксически (т.е. требованиями синтаксической правильности высказывания, а не стремлением выразить определенный смысл), то существуют и контексты, в которых та же самая конструкция используется в связи с определенной мотивацией, лежащей в сфере семантико-прагматического устройства высказывания. Формально-синтаксические

функции антипассивных конструкций являются вторичными (и диахронически, и синхронно) по отношению к семантико-прагматическим.

4. Набор синтаксических контекстов, в которых использование антипассивных конструкций может становиться обязательным, типологически сравнительно однороден. Основной механизм развития облиigatorности лежит в дискурсивной плоскости и обычно связан с генерализацией семантико-прагматических закономерностей.

5. В неформальном регистре современного русского языка развивается конситуативное употребление возвратных глаголов в составе таких конструкций, которые могут быть охарактеризованы как антипассивные; при таких употреблениях невыраженный пациентивный участник является референциально доступным, однако прагматически иррелевантным.

Теоретическая значимость работы заключается в выработке типологически обоснованного определения антипассивной конструкции, в очерчивании диапазона возможных форм и функций таких конструкций в различных языках, в установлении путей грамматикализационного развития антипассивных конструкций, в решении вопроса о соотношении формальных и функциональных характеристик преобразований диатезы. Показывается несводимость отношений между конкурирующими конструкциями простого предложения к деривационным. На избранном фрагменте грамматических систем подтверждается гипотеза об обусловленности формальных закономерностей языковых структур их функциональной нагрузкой.

Практическая значимость работы состоит в разработке аппарата, применимого в грамматических описаниях антипассивных конструкций разноструктурных языков, а также в описании фрагмента русской грамматики, который может быть использован в практических пособиях по русскому языку – и для носителей русского языка, и для изучающих этот язык как иностранный.

Апробация работы. Результаты исследования обсуждались на Второй и Третьей «зимних типологических школах» (Москва, 2000, Московская область, 2002), конференции «Uniformity Paradigm» (Берлин, Центр общего языкознания, 2001), студенческой научной конференции «Aktuali baltistikas jautājumi» (Рига, Рижский университет, 2001), V межвузовской студенческой конференции филологов (Санкт-Петербург, СПбГУ, 2002), Международной научной конференции молодых филологов (Тарту, Тартуский университет, 2003, 2004), симпозиуме «Syntactic Functions – Focus on the Periphery» (Хельсинки, университет Хельсинки, 2003), международной научной конференции «Грамматические категории: иерархии, связи, взаимодействие» (Санкт-Петербург, ИЛИ РАН, 2003), конгрессе «International Morphology Meeting» (Вена, Венский

университет, 2004; Будапешт, 2006), «2nd Łódź symposium on linguistic pragmatics» (Лодзь, Университет Лодзи, 2004), XXXIII Межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов (Санкт-Петербург, СПбГУ, 2004), международном симпозиуме «The Typology of Argument Structure and Grammatical Relations» («LENCA-II», Казань, КГУ, 2004), Первой, Второй, Третьей и Четвертой «Конференциях по типологии и грамматике для молодых исследователей» (Санкт-Петербург, ИЛИ РАН, 2004–2007), семинаре «Work in progress» (Лейпциг, Институт эволюционной антропологии им. Макса Планка, 2005), 4th и 6th «Biennial meeting of the Association for linguistic typology» (Санта-Барбара, 2001, Паданг, 2005), «Четвертой типологической школе; Международной школе по лингвистической типологии и антропологии» (Ереван, 2005), Международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения проф. А. А. Холодовича, «Проблемы типологии и общей лингвистики» (Санкт-Петербург, ИЛИ РАН, 2006), конференции молодых исследователей «Синтаксические структуры» (Москва, РГГУ, 2007), семинаре «Теоретическая семантика» (рук. акад. Ю.Д.Апресян; Москва, ИППИ РАН, 2007), Ежегодной научной конференции Петербургского лингвистического общества "Научные чтения – 2007" (Санкт-Петербург, СПбГУ, 2007).

По теме диссертации опубликовано 34 работы общим объемом 14,2 п.л.

Структура и объем работы. Диссертация включает 620 страниц машинописного текста и состоит из Введения, 3 глав, Заключения, списка использованной литературы (609 наименований) и 3 приложений, первое из которых содержит список сокращений, в частности, используемых при поморфемной нотации примеров.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обоснована актуальность исследования, сформулированы цели и задачи исследования, раскрываются научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, обрисована теоретическая платформа исследования. Работа мыслится как лежащая в русле функционально-типологического подхода, при этом она во многом опирается на традиции и достижения Ленинградской / Петербургской типологической школы в области изучения диатез глагола и синтаксической структуры предложения. Избирается исследовательский путь от формы к функции; это значит, что исследуемые в работе антипассивные конструкции разноструктурных языков сначала выделяются на формальных (структурных) основаниях, а затем ставится вопрос о том, какие функции эти конструкции могут иметь в различных языках. При этом под функциями языковой единицы понимаются в связи с теми целями, которые говорящие

ставят, используя соответствующую единицу при порождении речи, и с той ролью, которую единица может играть в процессе восприятия текста слушающим.

Во Введении также описываются технические аспекты, связанные с представлением языкового материала в тексте диссертации, в частности, общие принципы поморфемной нотации.

В **первой главе** содержится краткий обзор представленных в различных языках конструкций, которые на основании формальных признаков в той или иной мере претендуют на квалификацию как антипассивных; в ней подробно рассматривается вопрос о возможных подходах к определению антипассивной конструкции. Эта глава исследования в какой-то мере представляет собой и эскиз возможной типологизации антипассивных конструкций по структурным признакам.

Основой анализа является допущение того, что в большинстве языков можно выделить базовые переходную и непереходную структуры. Базовые переходные конструкции по определению должны быть способны выражать двухместные ситуации с Агенсиом и Пациенсиом (например, *Петя убил Васю*), а базовые непереходные – одноместные ситуации (например, *Коля бежит*, *Коля спит*). При этом в большинстве языков базовые структуры служат не только для выражения обозначенных типов ситуаций, но и для кодирования ситуаций других типов; например, в русском языке при помощи базовой переходной структуры могут кодироваться ситуации с Экспериенцером и Стимулом (*Петя увидел Васю*), а при помощи базовой непереходной структуры – некоторые двухместные ситуации (*Коля живет в Москве*). Семантические и синтаксические позиции, обнаруживаемые в базовых структурах, в типологических исследованиях принято обозначать символами А (агенсиоподобный участник базовой переходной структуры – не обязательно Агенси), Р (пациенсиоподобный участник базовой переходной структуры – не обязательно Пациенси) и S (центральный участник базовой непереходной структуры – не обязательно единственный).

Выделение названных единиц иногда наталкивается на определенные сложности (например, в языках с так называемой расщепленной непереходностью, а также в языках, характеризующихся сосуществованием нескольких переходных структур, в равной мере претендующих на статус базовых, например, в филиппинских). Вместе с тем практика типологических исследований показала, что, несмотря на подобные трудности, понятия А, S и Р оказываются удобным инструментом описания.

Термин «антипассив» обязан своим появлением изучению эргативных языков, т.е. языков, в которых позиции S и Р обнаруживают ряд общих – морфологических, например, характер падежного маркирования или глагольного согласования, реже

синтаксических – свойств, отличающих их от позиции А. Так, например, в чукотском языке, наряду с базовой переходной конструкцией, проиллюстрированной в (1), имеется и базовая непереходная конструкция следующего вида:

- (3) *эзык-Ø* *вэтам-гъэ*
сын-ABS работать-AOR.3SG
'Сын поработал'.

Как видно по примерам (1) и (2), именные группы, соответствующие S- и P-участникам, маркируются абсолютным падежом, а соответствующие А-участникам, – эргативным падежом. Конструкция же, представленная в примере (3), обладает следующими свойствами: 1) будучи (в целом) синонимичной в плане пропозициональной семантики переходной конструкции из примера (1), она по целому ряду параметров является маркированной, т.е. небазовой («производной»); 2) в ней представлена форма той же глагольной лексемы; 3) пациенсоподобный участник факультативно выражается в косвенной позиции (в данном случае эта позиция маркируется дательным падежом); 4) агенсоподобный участник ведет себя как участник в позиции S (в чукотском языке это проявляется в том, что эта именная группа оформляется абсолютным падежом и вызывает одноместное согласование на глаголе), 5) в ней имеется эксплицитный глагольный маркер, отражающий изменение диатезы (в данном случае – *тко*), т.е. показатель залога.

Структуры, обладающие всеми пятью названными признаками, были обнаружены в довольно значительном числе «эргативных» языков – эскимосских, австралийских (преимущественно из семьи пама-ньюнга), некоторых нахско-дагестанских. Если рассматривать соответствующее явление преимущественно в морфологической плоскости и помнить, что в эргативных языках немаркированный (исходный) падеж – это абсолютив (падеж участников с ролями S/P), в то время как в аккузативных языках таким падежом является номинатив (падеж участников с ролями S/A), то получится, что названные пять свойств дают картину преобразования диатезы, зеркального таким – наиболее привычным – пассивным конструкциям, в которых в позицию S продвигается пациентивный участник, а агентивный участник смещается на грамматическую периферию и становится факультативным. В связи со сказанным за обсуждаемыми структурами и закрепилось обозначение «антипассивная конструкция» (введенное М. Сильверстейном), а соответствующий залог стали называть антипассивом.

Сложность, однако, заключается в том, что, если использовать названные свойства в качестве критериев антипассивной конструкции, то, во-первых, во многих случаях

применение отдельных критериев наталкивается на определенные трудности, а во-вторых, далеко не всегда конструкции, как будто бы похожие на антипассивные, удовлетворяют одновременно всем пяти этим критериям.

Так, для выделения антипассивной конструкции очень важно понятие базовой переходной конструкции, однако, само ее выделение из числа имеющихся двухместных конструкций иногда проблематично. Это относится, например, к персидскому языку – одному из многочисленных языков с так называемым дифференцированным маркированием объекта; в следующей паре примеров иллюстрируется тот факт, что в персидском (близкая картина наблюдается и во многих других языках) эксплицитный маркер появляется только на объектах с высоким референциальным статусом²:

(4) *ketâb-râ* *xând-am*
book-POSTP read.PST-1SG
'I read the book'.

(5) *ketâb* *xând-am*
book read.PST-1SG
'I read a/some books'.

Считается, что в случае дифференцированного маркирования объекта речь идет лишь об изменении морфологического маркирования, а не о мене синтаксического статуса, т.е. что, например, в обоих приведенных предложениях существительное со значением 'книга' является прямым дополнением базовой переходной конструкции.

Приходится при этом констатировать, что проблематика, связанная с синтаксическим статусом Р-участника в базовой переходной конструкции, т.е. прямого дополнения, разработана на данный момент гораздо хуже проблематики, касающейся первого синтаксического ранга – ранга подлежащего. Поэтому разграничить те ситуации, когда меняется лишь морфологическое оформление прямого дополнения, и те ситуации, когда меняется сам синтаксический статус Р-участника, на практике оказывается довольно трудно. Также не ясно, можно ли считать удовлетворяющими определению антипассива такие случаи понижения синтаксического статуса Р-участника, когда он инкорпорируется в состав глагольной словоформы (стоит заметить, что в эргативных языках инкорпорация объекта часто сопровождается другими проявлениями канонического антипассива). Некоторые исследователи склоняются к положительному

² Примеры взяты из Lazard G. Actancy. — Berlin/New York: Mouton de Gruyter, 1998. — P. 168.

ответу на этот вопрос³; в пользу такого решения имеются и эмпирические аргументы; например, в ряде языков майя канонические антипассивные конструкции и конструкции с инкорпорацией объекта имеют совпадающие морфологические маркеры на глаголе и демонстрируют другие общие черты. Более того, диахронически инкорпорация объекта обычно восходит к переходным конструкциям с немаркированным объектом, в которых последний утрачивает свойства полноценной именной группы. В настоящем исследовании принимается решение об исключении обоих названных явлений из числа антипассивных конструкций: определение антипассивной конструкции строится так, чтобы в поле рассмотрения попадали преимущественно синтаксические (а не морфологические, как было бы в случае привлечения к обсуждению инкорпорации объекта) конструкции, при этом конструкции, отражающие именно изменение синтаксической структуры высказывания. При этом следует признать, что в типологическом отношении непреходимой границы между немаркированным использованием объекта и инкорпорацией объекта, с одной стороны, и канонической антипассивной конструкцией, с другой стороны, не наблюдается.

Многие исследователи включают в число признаков (критериев) антипассивной конструкции и то, что выражение Р-участника должно быть в такой конструкции принципиально возможным (в периферийной позиции). При таком подходе «настоящие» антипассивные конструкции противопоставляются одноместным конструкциям, в которых Р-участник удаляется из числа потенциальных синтаксических актантов; эти последние – одноместные – конструкции обычно обозначаются как «абсолютивные», а соответствующая деривация трактуется как «объектный имперсонал».

Тем не менее, в данном исследовании одноместные конструкции с представленным А-участником и удаленным Р-участником (при удовлетворении всем другим критериям) трактуются как «одноместная» («абсолютивная») разновидность антипассива. В пользу данного решения говорит некоторое количество эмпирических фактов. 1) В большинстве языков с потенциально «полным» («двухместным») антипассивом соответствующие глаголы в текстах чаще всего употребляются одноместно. 2) Диахронически антипассивные конструкции обычно восходят к одноместным конструкциям, в которых упоминание Р-участника грамматически невозможно (например, к рефлексивным); развитие двухместного антипассива на базе одноместного может становиться шагом на пути грамматикализации антипассива, протекающей обычно градуально. Следовательно, проведение понятийной границы по этому признаку в типологическом

³ Полинская М.С. Диффузные глаголы в синтаксисе эргативных языков. Автореферат дис. ... канд. филол. наук. — М., 1986.

отношении разграничивало бы «по живому» сущностно очень близкие явления. 3) Стремление противопоставить настоящие «антипассивные» конструкции «ненастоящим» по признаку принципиальной выразимости / невыразимости исходного Р-участника привело бы к нежелательным последствиям не только при межъязыковом сопоставлении, но и при анализе фактов некоторых отдельно взятых языков, например, таких, как бежтинский. Здесь антипассивная форма, маркируемая показателем *da:-*, образуется примерно от 60-70% переходных глаголов, при этом около половины антипассивных глаголов могут употребляться только абсолютивно; у оставшейся половины выражение пассивного участника в позиции инструментального дополнения допустимо⁴. При названном выше подходе пришлось бы постулировать для бежтинского две различные лексически распределенные деривации – собственно антипассив (двухместный) и абсолютив (одноместный); идентичность морфологического маркера и семантическая однородность «двух» дериваций явно противоречат такому решению.

Особые трудности связаны с применением критерия, согласно которому в антипассивной конструкции агентивный участник должен занимать позицию S, а не А. Такая мена синтаксического статуса находит материальное выражение прежде всего в эргативных языках, см. приводившиеся выше чукотские примеры. Именно относительно таких языков можно говорить о том, что антипассивизация сопряжена не только с понижением статуса Р-участника, но и с изменением – по крайней мере морфологическим – статуса А-участника, который попадает в позицию абсолютива (что для некоторых языков можно трактовать как повышение, попадание в немаркированную позицию). В случае эргативного устройства падежной парадигмы А-участник в антипассивной конструкции обычно оформляется показателем немаркированного абсолютивного падежа; так обстоит дело в эскимосских, многих нахско-дагестанских, австралийских и др. языках. Однако выясняется, что два ключевых процесса, а именно 1) смещение Р-участника в косвенную позицию и 2) «продвижение» А-участника в позицию S, не строго связаны друг с другом даже в эргативных языках. Так, фиксируются многочисленные случаи, когда 1) не сопровождается 2), как в примере (6) из австралийского языка варрунгу⁵:

(6) *ngatyu-ngku nga-nra-la ngumpirr-la pat-man-i*
 I-ERG AUX-1SG.SBJ-3SG.IO woman-DAT touch-do-PST

‘I tried to touch the woman’ (action attempted).

⁴ Данные Я.Г. Тестельца, см. также обсуждение в: Кибрик А.Е. Константы и переменные языка. — СПб: Алетейя, 2003. — С. 612; Hewitt B.G. ‘Antipassive’ and ‘labile’ constructions in North Caucasian // *General linguistics* — 1982. — № 3. — P. 158-171.

⁵ Tsunoda T. Transitivity // *Encyclopedia of language and linguistics* / Ed. by R. E. Asher. — Oxford: Pergamon, 1994. — Vol. 9. — P. 4676.

С другой стороны, фиксируются и случаи когда ii) не сопровождается i); в таких случаях в эргативных языках можно говорить о биабсолютивной конструкции, иллюстрируемой следующим примером из арчинского языка:

- (7) *buwa* *χ.alli* *b=a-r-ši* *d=i*
 мать.ABS[II] хлеб.ABS[III] III=делать-IPFV-CVB II=быть.PRS
 ‘Мать хлеб печет’⁶.

С учетом отсутствия типологически жесткой связи между двумя обсуждаемыми признаками более перспективным представляется такое понимание антипассива, которое опиралось бы на один из них. Таким признаком – в согласии с одной из имеющихся традиций (Дж. Хит, М. Полинская) – здесь признается именно смещение Р-участника. Следует заметить, что многие исследователи настаивали на том, что антипассив по определению возможен только «в эргативных языках», т.е. там где синтаксические статусы S и A явно различаются (Э. Коореман, Р. Диксон). Однако принимаемое нами исключение из числа критериев антипассива морфологически выраженного перехода по модели $A \Rightarrow S$ дает возможность, во-первых, ставить вопрос о существовании антипассивных конструкций в языках, в которых различие между A и S не проявляется на уровне морфологического кодирования (прежде всего в аккузативных языках), а во-вторых, привлекать к обсуждению типологии антипассива такие языки, в которых фиксируются конструкции, подобные приведенной в примере (6), – стоит особо подчеркнуть, что во множестве языков такие структуры демонстрируют значительное структурное и функциональное сходство с каноническим антипассивом.

Как представляется, принимаемое терминологическое решение открывает большие перспективы при изучении основного вопроса настоящего исследования – вопроса о связи между языковыми формами и языковыми функциями. В работе рассматриваются такие конструкции, которые с точки зрения формы характеризуются одним общим признаком – понижением статуса Р-участника. Можно сказать, что антипассив в принимаемом здесь понимании – это прежде всего «борьба» с исходным Р-актантом, независимо от того, что происходит с А-актантом.

В первой главе рассматриваются и другие признаки антипассивной конструкции, иногда включаемые в ее определение (наличие эксплицитного глагольного маркера, неизменность лексического значения глагола, продуктивность). Разбираются некоторые сложные случаи, связанные с применением этих критериев, особое внимание уделяется

⁶ Кибрик, цит. раб. — С. 352.

тому, как потенциальные признаки / критерии антипассивных конструкций взаимодействуют друг с другом.

Выясняется, что при типологическом рассмотрении разумно говорить не о четкой линии, которая отделяла бы антипассивные конструкции от всех прочих явлений, а скорее о своего рода «континууме залогов» – это продолжало бы идеи В. Крофта, разработанные им на другом фрагменте типологического залогового пространства – в зоне между активными, инверсивными и пассивными залоговыми конструкциями.

После подробного рассмотрения отмеченных трудностей в заключении первой главы предлагается рабочее определение антипассивной конструкции, позволяющее далее строить типологию этих конструкций в аспекте их функций, опираясь на некоторое формальное сходство выделенных морфосинтаксических явлений. Это определение формулируется следующим образом: антипассивной конструкцией называется такая маркированная, т.е. противопоставленная базовой, конструкция простого предложения, в которой семантически присутствующий в пропозиции Р-участник оказывается удален (опущен или смещен в косвенную позицию) из позиции, которую он занял бы в соотносительной базовой переходной конструкции. При таком понимании антипассивной конструкции обнаруживается, что в языке может быть представлено более одной конструкции, удовлетворяющей определению антипассивной конструкции.

Во **второй главе** содержится обзор функций «антипассивных конструкций», другими словами, рассматривается вопрос о том, чем может быть мотивирован выбор говорящего в пользу антипассивной, а не базовой переходной конструкции. При обсуждении этой проблематики неоднократно указывалось на противопоставление таких употреблений антипассивной конструкции, которые служат семантико-прагматическим функциям, и других употреблений антипассива, которые, как утверждается, уже не мотивированы семантико-прагматическими факторами и служат лишь формально-синтаксическим целям (Э. Коореман, Р. Диксон). Если про употребление первого типа обычно говорится, что они факультативны, то употребления второго типа квалифицируются как обязательные, что как будто бы свидетельствует об их большей грамматикализованности; именно такой сценарий развития, рассматриваемый в более широком контексте жизненного цикла антипассивных конструкций, представляет собой основной сюжет этой главы.

Несомненно, наиболее распространенным источником грамматикализации антипассива являются рефлексивные конструкции. Такое развитие фиксируется во множестве языков. Так, например, показатель рефлексива, имеющий общее происхождение в австралийских языках семьи пама-ньюнга (восстанавливаемая

протоформа этого показателя - *-*DHirri-y*), во многих из этих языков – при этом, по всей видимости, независимо – развивает антипассивные функции, как в следующих примерах из языков дьябугай (8), и дирбал (9):

(8) *bama waŋal-nda giba-yi-nj*
 man boomerang-LOC scrape-REFL-PST
 ‘The man scraped the boomerang’⁷.

(9) *bayi yaŋa ɟaŋgay-mari-ŋu (bagum wudu-gu)*
 there.ABS man.ABS eat-REFL-PRS/PST there.DAT fruit-DAT
 ‘Man eats (fruit)’⁸.

К числу других регулярно, хотя и не столь часто, встречающихся грамматикализационных источников антипассивных конструкций, относятся показатели реципрока и глагольной множественности (некоторые австронезийские языки, одна из чукотских антипассивных конструкций), аппликатива (еще одна антипассивная конструкция из дирбала, маркируемая показателем *-ŋau*, юпикский эскимосский). Антипассивные конструкции также часто восходят к аналитическим конструкциям, в которых вершинный – этимологически непереходный – вспомогательный глагол сливается со смысловым глаголом, и в результате конструкция в целом (т.е. по сути аналитическая форма смыслового глагола) наследует аргументную структуру вспомогательного глагола, что и приводит к формированию непереходной структуры, чаще всего выражающей аспектуальные значения зоны имперфекта (хабитуалис, итератив, континуалис).

В связи со сказанным не вызывает удивления тот набор семантико-прагматических функций, который обычно фиксируется у антипассивных конструкций: «антипассив, используемый по семантико-прагматическим причинам, обычно можно описать как конструкцию, отражающую определенные затруднения при установлении того эффекта на идентифицируемом Р-участнике, к которым приводит деятельность А-участника»⁹.

Названные «затруднения» могут лежать в семантической плоскости. Это характерно для ситуаций, когда Р-участник лишь частично вовлечен в действие или обладает низким референциальным статусом. Последнее часто отражается и на аспектуальной интерпретации: антипассивные конструкции регулярно интерпретируются

⁷ Hale K.L. Ergative, locative and instrumental case inflections: Dja:bugaj // Grammatical categories in Australian languages / Ed. by R.M.W.Dixon. — Canberra: AIAS, 1976. — P. 326.

⁸ Dixon R.M.W. The Dyrbal language of North Queensland. — Cambridge: CUP, 1972. — P. 90.

⁹ “The antipassive which is used for semantic/pragmatic reasons is best described as indicating a certain degree of difficulty with which an effect stemming from an activity by A on an identifiable O can be recognized”. Cooreman A. A functional typology of antipassives // Voice: Form and function / Ed. by B. Fox, P.J.Hopper. — Amsterdam: Benjamins, 1994. — P. 51.

не как достижения / свершения, а как деятельность, хабитуальное занятие или интенция. Так, следующий пример антипассивной конструкции из австралийского языка питта-питта (11) может быть проинтерпретирован как в терминах низкой вовлеченности P, так и в аспектуальных терминах, что видно при его сопоставлении с базовой переходной – эргативной – конструкцией¹⁰:

(10) *piṭi-ya ŋa-tu ina*
 hit-PRS 1SG-ERG 2SG.ACC
 ‘I’m hitting you’.

(11) *piṭi-li-ya ŋan^ɣtʰa in-ku*
 hit-ANTI-PRS 1SG 2SG-DAT
 ‘I feel like to hit you’ [Blake 1979b: 207]

Однако в ряде случаев различия между антипассивной конструкцией и соответствующей переходной лежат скорее в прагматической плоскости. Так, например, в чукотском языке использование переходной конструкции обычно имплицитно то, что изменение или сохранение состояния P-участника прагматически релевантно для говорящего. Антипассивная конструкция часто служит тому, чтобы снять эту импликацию, как в следующем показательном примере, заимствованном из статьи И.Ш. Козинского и его соавторов¹¹. Высказывание зафиксировано в тексте, в котором речь шла об огромной собаке, которая была привязана на поводок и ждала своего хозяина:

(12) *qənwer ʔəttʔ-ən ine-nləpʔet-gʔi (gutilg-e) ənʔam...*
 at.last dog-ABS ANTI-tear-3SG.AOR (tether-INS) and
 ‘Finally it broke loose (lit.: broke the tether) and...’.

По поводу возможности употребления переходной конструкции в такой ситуации авторы цитируемой статьи отмечают, что в таком случае слушающий бы ожидал, что дальше речь пойдет именно о поводке, состояние которого изменилось (он был порван); ясно, что прагматически такое употребление было бы нежелательно: в данном случае говорящему было важно зафиксировать внимание слушающего на А-участнике, на собаке, т.е. на том, что она вырвалась на свободу (порвав поводок).

Следует, по всей видимости, согласиться с теми исследователями, которые отмечают, что, несмотря на неизбежные различия между языками, семантико-прагматические функциональные предпосылки использования антипассива образуют

¹⁰ Blake B.J. Pitta-Pitta // Handbook of Australian languages / Ed. by R.M.W.Dixon, B.J.Blake. — Amsterdam: John Benjamins, 1979. — Vol. 1. — P. 207.

¹¹ Kozinsky I. Š., Nedjalkov V.P., Polinskaja M.S. Antipassive in Chukchee: oblique object, object incorporation, zero object // Passive and voice / Rd. by M. Shibatani. — Amsterdam: John Benjamins, 1988. — 651-706.

единый пакет тесно связанных друг с другом факторов¹². Можно заметить, что в этом смысле привычное употребление антипассива иконично – понижение семантико-прагматического статуса Р-участника находит отражение и в синтаксическом понижении статуса соответствующего актанта.

Среди языков, в которых обнаруживаются более или менее грамматикализованные антипассивные конструкции, лишь для явного меньшинства может быть выдвинуто предположение, что использование антипассивной конструкции в определенных контекстах не мотивировано семантико-прагматическими факторами, а служит лишь удовлетворению формальных требований синтаксического контекста, т.е. имеет исключительно структурные функции. Классическим примером языка, для которого предлагался анализ антипассива в терминах синтаксических функций, является австралийский язык дирбал, оригинальное описание которого принадлежит Р. Диксону и данные которого впоследствии неоднократно попадали в поле зрения других исследователей. Функция, описываемая многими исследователями как синтаксическая, проявляется здесь, например, в контексте сочинительного сокращения. Утверждается, что в дирбале общий участник двух клауз, вступающих в отношения, близкие к сочинению, может быть опущен (во второй из них) только в том случае, если в обеих клаузах он находится в позиции синтаксического абсолютива, т.е. имеет статус S или P. Как следствие, единственная возможность, позволяющая произвести сочинительное сокращение общего участника в полипредикативной конструкции, имеющей, например, значение ‘мужчина пришел и ударил женщину’, состоит в том, чтобы подвергнуть вторую клаузу антипассивизации – при этом агентивный участник «продвигается» в позицию S (а пациентивный участник, ‘женщина’, смещается в косвенную позицию)¹³:

- (13) *bayi yaḡa banjru bagun ḡugumbilgu balgal-ŋa-ru*
 there.ABS man.ABS come.PRS/PST there.DAT woman.DAT hit-ANTI-PRS/PST
 ‘Man came here and hit woman’.

Предположение о наличии у антипассивной конструкции синтаксических функций делалось в литературе, помимо дирбала, и для некоторых других австралийских языков, для большей части разновидностей эскимосского, для ряда языков Нового Света (языки майя, некоторые салишские языки). Чаще всего речь идет о синтаксической приоритетности позиции S/P в этих языках и о необходимости продвижения путем

¹² Lazard G. The antipassive in accusative language: transitivity and markedness // *Markedness in synchrony and diachrony* / Ed. by M. Tomič. — Berlin / New York: Mouton de Gruyter, 1989. — P. 314.

¹³ Dixon, R.M.W. Цит. раб. — С. 130.

антипассивизации агентивного участника в эту позицию, для того чтобы сделать возможным действие так называемых «дальнейших» синтаксических операций.

Поскольку вопрос о предполагаемых синтаксических функциях является принципиальным для настоящего исследования, данные всех этих языков подробно разбираются во второй главе диссертации. При этом делается вывод о том, что так называемые синтаксические функции являются вторичными – и синхронно, и диахронически – по отношению к функциям, связанным с передачей антипассивной конструкцией определенного смысла, отличного от смысла соотнесительной переходной структуры. В пользу этого общего вывода говорят следующие факты.

1. Даже для дирбала неверно то, что всегда, когда созданы предполагаемые синтаксические предпосылки для использования антипассива, соответствующая деривация, маркируемая показателем *-ɲau*, действительно применяется. Это связано а) и с тем, что в позицию S агентивный участник может попасть и не в связи с антипассивной деривацией, маркируемого этим показателем, б) и с тем, что кореферентность по модели A = S на самом деле может сопровождаться опущением агентивного участника переходной клаузы (при этом переходная клауза получает особый показатель *-ɲura*, что не приводит к изменению кодировки актантов), в) и с тем, что антипассивизацию можно считать обязательной только в том случае, когда говорящий сначала по дискурсивным причинам решает не называть агентивного участника ситуации¹⁴, и только потом «вынужденно» использует антипассивную конструкцию. Однако ничего не говорит о том, что применение «правила антипассива» происходит именно таким образом.

Далее, для дирбала неверно и то, что всегда, когда носителями используется антипассивная конструкция, это имеет какую-то синтаксическую мотивацию (например, в императивных контекстах выбор между эргативной и антипассивной конструкциями никак не связан с требованиями контекста). Косвенно в пользу важности несинтаксических (например, аспектуальных или дискурсивных) факторов при использовании антипассивных конструкций носителями дирбала говорят и данные, полученные А. Шмидт¹⁵ при изучении следующего диахронического состояния этого языка: выяснилось, что обследованные ею «молодые носители дирбала» замечательным образом «вспомнили» именно те семантико-прагматические функции, которые типологически ассоциируются с этой конструкцией¹⁶.

¹⁴ Как показывают текстовые подсчеты Э. Коореман, соположение клауз с общим участником **без его сокращения** происходит в дирбале достаточно часто. Cooreman A. Ergativity in Dyrbal discourse // Linguistics — 1988. — Vol. 26 — P. 717-746.

¹⁵ Schmidt A. Young people's Dyrbal. — Cambridge: CUP, 1985. — 252 p.

¹⁶ Остается лишь сожалеть о том, что дирбал, материал которого оказал столь значительное влияние на все дальнейшее развитие грамматической теории эргативности, вскоре после исследования Р. Диксона оказался на грани исчезновения, в связи с чем эмпирическое уточнение положений, содержащихся как в его

На основе аналогичных рассуждений для этого и других языков (например, эскимосских) вырисовывается следующий вывод: для всех антипассивных конструкций обнаруживаются такие ситуации, когда их употребление не определяется структурными требованиями синтаксического контекста, а лежит в области семантико-прагматического моделирования ситуации говорящим.

Наконец, следует отметить, что сама логика Р. Диксона и его последователей строится на умозаключении следующего вида: если языковое явление обязательно для определенного контекста, то и функция этого явления заключается в том, чтобы обеспечить грамматическую правильность высказывания. Если понимать под функцией языковой единицы те цели, которые ставит говорящий, используя ее, то такое умозаключение само по себе ни из чего не следует. Можно отметить в связи с этим, что обсуждая зеркальную проблему, касающуюся использования пассива,¹⁷ В.Б. Касевич справедливо, как представляется, отмечает, что «никто, кажется, еще не доказал ни, с одной стороны, функциональной иррелевантности такого рода синтаксической синонимии (если это синонимия), ни, с другой стороны, ее исключительной ориентированности на обеспечение включения высказывания в контекст»¹⁸.

2. Для всех таких контекстов, которые, согласно имеющимся описаниям, жестко требуют антипассивизации в определенных языках, находятся и такие языки, в которых использование антипассива в соответствующем контексте является частотным / предпочтительным, но при этом не является обязательным. Так, например, если антипассивизация является (почти) обязательной для контекста сочинительного сокращения в дирбале, то в чукотском та же самая закономерность проявляется в виде недограмматикализованной тенденции. Рассмотрим пару ключевых примеров¹⁹.

(14) *Ekke-te atlag-en winren-nin ankʔam ekwet-gʔi*
 son-ERG father-ABS help-AOR.3SG>3SG and leave-AOR.3SG
 ‘The son_i helped the father_j and \emptyset _i left / he_j left’.

(15) *Ekək- \emptyset winret-gʔi atlag-etə ankʔam ekwet-gʔi*
 son-ABS helped-AOR.3SG father-DAT and left
 ‘The son_i helped the father_j and \emptyset _i left / ^{???}he_j left’.

классической грамматике, так и в обширной вторичной литературе, оказывается почти невозможным.

¹⁷ Ведь в языках типа русского можно с легкостью обнаружить контексты, которые в принципе описываемы как контексты обязательной пассивизации, например, пассивизация необходима для сокращения участника в следующем предложении: *Петя_i начал буянить и \emptyset _i / он*_i _j был выведен из зала охранниками*, ср. *Петя_i начал буянить и его_j / * \emptyset _i вывели из зала охранники*.

¹⁸ Касевич В.Б. Труды по языкознанию. — СПб: СПбГУ, 2006. — С. 470.

¹⁹ Kozinsky et al. Цит. раб. — С. 691.

Как следует из знаков приемлемости при референциальных индексах в переводах этих чукотских предложений, антипассивизация не полностью исключает (смещенный) косвенный объект – ‘отца’ в примере (15) – из числа потенциальных контролеров сочинительного сокращения; скорее, она помогает установить, что производный S-участник – ‘сын’ в примере (15) – является актуальным контролером этого сокращения. Такого рода межъязыковые (а иногда и внутриязыковые) сопоставления позволяют понять, как из семантико-прагматических употреблений антипассивной конструкции, связанных с понижением дискурсивного статуса Р-участника, вытекают закономерности, описываемые многими исследователями как «синтаксические функции» антипассива.

Итак, «синтаксизация» антипассива в определенных синтаксических контекстах обнаруживается во многих проанализированных языках. Функции антипассивной конструкции, которые синхронно могут быть описаны как преимущественно синтаксические, развиваются из семантико-прагматических функций. При этом часто соответствующие тенденции оказываются недограмматикализованными, т.е. антипассивизация оказывается не полностью обязательной для определенного катализирующего синтаксического контекста (так, например, обстоит дело в целевых конструкциях в варрунгу: здесь антипассивизация очень часто отмечается в случае кореферентности А-участника зависимой клаузы S-участнику главной, но все же не является на 100% обязательной²⁰). Сказанное противоречит таким представлениям о функциях антипассивных конструкций, при которых синтаксические функции описываются как резко противопоставленные семантико-прагматическим.

3. Если семантические условия использования антипассива наблюдаются в подавляющем большинстве синтаксических конструкций определенного типа, то возможно установление связи между самими этими конструкциями и антипассивизацией. Так, например, подсчеты Б.Блейка показали, что в австралийском языке калкатунгу в 75% случаев использования относительных оборотов в них наблюдаются те семантические условия, которые обусловили бы антипассивизацию и в независимом предложении, что и приводит к такому развитию, при котором антипассив обобщается до всех случаев А-релятивизации²¹. Таким образом, механизмом развития, обрисованного в предыдущем пункте, является аналогия, генерализация.

4. В свете сказанного неудивительно и то, что набор синтаксических контекстов, в которых использование антипассивных конструкций становится обязательным,

²⁰ Tsunoda T. Antipassives in Warrungu and other Australian languages // *Passive and voice* / Ed. by M. Shibatani. — Amsterdam: John Benjamins, 1988. — P. 595-649.

²¹ Blake B. J. The absolutive: Its scope in English and Kalkatungu // *Studies in transitivity* / Ed. by P. J. Hopper, S. A. Thompson. — New York: Academic Press, 1982. — P. 91.

типологически сравнительно однороден (зависимые целевые клаузы, относительные обороты, в которых релятивизируется А-участник, каузативные конструкции, в которых каузируется переходная конструкция, реже – контекст сочинительного сокращения по модели $S = A$). Все эти контексты устроены таким образом, что в них антипассивизация, обусловленная семантико-прагматическими факторами (прежде всего переносом внимания на А-участника, его особенно высокий топиальный статус по сравнению с низким дискурсивным статусом Р-участника), происходила бы с большой вероятностью и не в связи с синтаксическими требованиями контекста, что и создает предпосылки для дальнейшей генерализации. Сказанное легко демонстрируется для, например, контекстов А-релятивизации, часто в языках мира с той или иной последовательностью сопровождающейся антипассивизацией (такова ситуация в дирбале, йидинь, калкатунгу, многих эскимосских идиомах, некоторых языках майя и др.): в контексте А-релятивизации агентивный участник является обязательно дискурсивно выделенным, внимание говорящего концентрируется на его деятельности, а не на возможных последствиях этой деятельности для состояния Р-участника.

5. Если в двух (и более) родственных языках обнаруживается ситуация частичного функционального расхождения антипассивных конструкций, то это расхождение может идти только по такому сценарию, при котором на основе общих или сходных для двух языков семантико-прагматических функций в каком-то одном из них развиваются синтаксизированные употребления, но не наоборот. Сказанное подтверждается сопоставлением ряда австралийских языков, распространенных в Квинсленде (прежде всего, гуугу йимидир, где антипассив имеет только семантико-прагматические функции, и близкого ему языка йидинь, где антипассивная конструкция имеет уже и некоторые формально-синтаксические функции), а также и некоторых других групп родственных идиомов (например, чукотско-камчатских, эскимосских).

6. Против такого взгляда на природу антипассива, согласно которому его основная функция заключается в перераспределении синтаксических статусов актантов, не связанном с семантико-прагматическим моделированием внешней действительности, говорит и то, что в некоторых языках имеется несколько сосуществующих антипассивных конструкций, чаще всего имеющих схожие синтаксические проявления (чукотский, дирбал, языки майя, многие разновидности эскимосского), и особенно то, что обнаруживаются даже случаи наложения антипассивных показателей друг на друга (так обстоит дело в салишском языке халкомелем). В синтаксическом отношении такая «двойная антипассивизация» была бы излишней или даже парадоксальной (если глагол интранзитивируется одним показателем, то получается, что следующий показатель

появляется на уже непереходной основе), однако такая картина объясняется наличием у каждого из показателей собственного семантического потенциала.

7. В языках майя имеется по крайней мере два типа конструкций, маркируемых глагольными показателями, которые обычно описываются как антипассивные (они возводятся к двум различным показателям общего предка языков майя). При этом при сопоставлении языков майя выясняется, что те «антипассивные» конструкции, которые наиболее жестко связаны с требованиями синтаксического контекста, в основном не характеризуются понижением Р-участника; те же конструкции, в которых такое понижение действительно происходит, не обладают признаками формально-синтаксического механизма. Это говорит о том, что одним из возможных путей развития антипассивной по происхождению конструкции может быть такое ее расширение, когда она действительно начинает использоваться преимущественно как формально-синтаксический механизм. Однако утратив семантико-прагматическую функцию, так или иначе связанную с маркированием низкого дискурсивного статуса Р-участника, бывшие антипассивные конструкции перестают отвечать принятому определению антипассива. Сказанное еще раз ставит под сомнение то, что антипассивные конструкции хотя бы в каких-то языках ориентированы исключительно на обеспечение грамматичности высказывания.

В языках мира фиксируются и другие случаи, когда генерализация антипассивной конструкции приводит к утрате ее конкуренции с «базовой» переходной структурой. Такое развитие может приводить к смене строя языка (с эргативного на аккузативный); так, по всей видимости, обстоит дело в некоторых языках Западной Австралии²². Сказанное еще раз подтверждает мысль о тяготении антипассивных конструкций к иконическому устройству – маркированное по сравнению с базовой переходной структурой понижение синтаксического статуса Р-участника иконически отражает и его пониженный семантико-прагматический статус. Утрата одного из этих свойств обычно в конечном счете приводит к утрате и другого свойства, таким образом, соответствующая конструкция теряет свойства антипассивной²³.

²² Harris A.C. Alignment typology and diachronic change // *Linguistic typology 1987: systematic balance in language* / Ed. by W.P.Lehmann. — Amsterdam: Benjamins, 1990. — P. 80-82.

²³ Другим часто наблюдаемым «финалом» жизненного цикла антипассивных конструкций оказывается его исчезновение через лексикализацию; так, во многих языках антипассивные по происхождению дериваты от глагола со значением ‘пить’ приобретают значение ‘пить алкогольные напитки’, от глаголов со значением ‘видеть что-то’ или ‘слышать что-то’ – значение ‘думать о чем-то’. Антипассив как продуктивный процесс, связанный с меной диатезы, оказывается весьма нестабильным в своем чистом виде. Так и не став десемантизованным формально-синтаксическим механизмом, антипассивная конструкция часто начинает подвергаться лексической эрозии: в узусе закрепляется идиоматическое прочтение конкретных антипассивных дериватов, которые в итоге денотативно отрываются от своих производящих глаголов.

В **третьей главе** описываются антипассивные конструкции одного, отдельно взятого языка – русского. Употребление термина «антипассив» применительно к русскому языку становится возможным в связи с принятым в настоящем исследовании пониманием соответствующей конструкции, как маркированной конструкции, в которой участник, претендующий на статус прямого дополнения, получает более низкий статус – опускается или смещается в периферийную позицию (при этом понятно, что в русском – аккузативном языке – это никак не отражается на статусе агентивного участника, поскольку различие между позициями S и A внешне никак не проявляется).

Следует заметить, что в свете сказанного понятие антипассивной конструкции может быть применено (и иногда применяется) к целому ряду явлений русского синтаксиса, например, к конструкциям с генитивом объекта (*не понимать простейших вещей, выпить чая* и т.д.), к абсолютным возвратным глаголам (*собака кусается*), к непереходным употреблением таких глаголов, которые допускают оформление второго участника и винительным, и творительным падежом (*швырять камнями*, ср. *швырять камни*).

Однако в настоящем исследовании внимание в основном уделяется другому грамматическому явлению, характерному для современной русской спонтанной речи и не получившему пока должного внимания в литературе. Речь идет об употреблении глагольных форм, имеющих «возвратный постфикс» *-ся/-сь*, в высказываниях, подобных следующим:

- (16) *Вы там сами завернетесь?* (= Завернете покупку, в конкретной ситуации – кусочек сыра?). {Продавщица обращается к покупательнице в магазине, выясняя таким образом, может ли она переключить свое внимание на следующего покупателя}.
- (17) *Если хочешь ткнуться, то ткнись вон туда.* (= “Ткни” зарядное устройство мобильного телефона в ту розетку).
- (18) *Ты что, будешь ксериться?* (= “Ксерить” свои бумаги).

Базовые свойства этой конструкции можно выявить путем ее сопоставления с конструкциями, в которых используются соотносительные невозвратные глаголы. Так, например, высказывание (16), по всей видимости, можно соотнести со следующим:

- (19) *Вы там сами завернете свой кусочек сыра?*

При сопоставлении двух структур обнаруживаются следующие свойства исследуемой конструкции. 1) Она является непереходной, маркированной и противопоставлена базовой переходной структуре. 2) Подлежащие двух конструкций совпадают. 3) Р-участник, занимающий позицию прямого дополнения в исходной

конструкции, никак эксплицитно не выражен (и не может быть выражен!) в производной конструкции, хотя он и присутствует в ее семантическом представлении.

Все сказанное позволяет охарактеризовать анализируемую конструкцию как антипассивную возвратную конструкцию (АВК), а используемые в ней глаголы как антипассивные возвратные глаголы (АВГ).

Следует отметить, что правильная интерпретация высказывания (16) предполагает определенную предметную идентификацию объекта, над которым совершается действие. В этом смысле высказывания (16) и (19) в целом являются синонимичными, с той, однако, разницей, что в возвратной конструкции «заворачиваемый объект» никак не характеризуется, в сконструированном же высказывании (19) в позицию прямого дополнения помещена условно выбранная именная группа *свой кусок сыра*, имеющая вполне конкретное значение. Слушающий может правильно интерпретировать высказывание (16) лишь с опорой на конситуацию, в которой «подразумеваемый» объект оказывается восстановим, поэтому далее такие конструкции обозначаются как конситуативные АВК.

Модель АВК значительно активизировалась в последнее время; в основном она фиксируется в сниженном регистре речи, возможно, именно поэтому она пока почти не попадала в поле рассмотрения лингвистов. В проанализированном корпусе высказываний, «подслушанных» в спонтанной речи, представлено около 200 различных глагольных лексем, участвующих в образовании АВГ.

Конситуативные АВГ близки по своим свойствам таким фиксируемым словарями и часто описываемым «посессивно-рефлексивным» глаголам, как *нахмуриться*, *застегнуться*, *потратиться*, *изъясняться*, *печататься* и т.д. Такие глаголы также удовлетворяют определению антипассивных, принятому в работе, однако принципиально отличаются от конситуативных АВГ в том, что их прочтения в соответствующих значениях являются лексически закрепленными (далее такие глаголы обозначаются как лексические АВГ).

Основные различия между конситуативными и лексическими АВК сводятся к следующему:

1) Каждый лексический АВГ предполагает определенный тип «подразумеваемого» объекта, который лексически закреплен за этим глаголом; например, *тратиться* значит ‘тратить деньги, средства’ (а не, например, время), *бриться* значит ‘брить усы и бороду’ (а не, например, голову или ноги). Конситуативные АВГ такой связи интерпретации объекта с глагольной лексемой не обнаруживают. Например, глагол

закрывается фиксируется в корпусе в таких контекстах, где подразумевается закрывание двери, банки, компьютерной программы, карт при игре в преферанс.

2) Образование лексических АВГ ограничено лексически, иногда не вполне предсказуемым образом. Например, в русском языке имеются глаголы *причесаться* и *зажмуриться*, но нет глаголов **всклокочиться* (в значении ‘всклокочить волосы’) и **разинуться* (в значении ‘разинуть рот’). Образование конситуативных АВГ почти не знает таких идиосинкратических ограничений (ограничения носят в основном дискурсивный характер, см. ниже).

3) Набор участников, «подразумеваемых» в лексических АВК, в принципе ограничен, преимущественно это объекты, связанные с деятелем отношениями неотчуждаемой или квазиотчуждаемой принадлежности (части тела, предметы одежды, транспортные средства, «явления духовного мира» – мысли, слова, внимание, – продукты творчества). Набор участников, которые могут остаться неназванными в конситуативных АВК, практически неограничен, семантика посессивности прослеживается здесь не столь последовательно, а иногда и вовсе отсутствует:

(20) *Ну что, попробуйте сейчас запуситься.* (= Запустить компьютерную программу).

(21) *Я не всегда, но в большинстве случаев тоже повторяюсь.* (= Повторяю заявку предшествующего игрока).

4) Таким образом, лексический АВГ, образованный от переходного глагола V, означает примерно следующее: “совершать действие, обозначаемое глаголом V, по отношению к объекту типа А”, где А – это семантическая константа, идиосинкратически закрепленная за данным АВГ. Значение же конситуативного АВГ, образованного от переходного глагола V, можно схематически представить в следующем виде: “совершать действие, обозначаемое глаголом V, по отношению к X”, где X – это семантическая переменная, референциальная отнесенность которой устанавливается для конкретного употребления глагола с опорой на конситуацию. Другими словами, конситуативные АВГ (\approx глаголы опущенного объекта) имеют тот же набор семантических валентностей, что и исходная переходная лексема, отличаясь от нее лишь набором синтаксических валентностей. Лексические же АВГ отличаются от производящих переходных лексем вполне ощутимым семантическим приращением, связанным с семантической инкорпорацией значения объекта (\approx глаголы включенного объекта). Таким образом, по целому ряду параметров конситуативные АВГ оказываются гораздо ближе лексических АВГ к словоизменительному полюсу континуума от словоизменения к словообразованию.

Сопоставление русских лексических и конситуативных АВК интересно еще и тем, что позволяет проследить *in vivo* некоторые процессы, существенные для теоретического осмысления антипассивных конструкций. Речь идет о том, что, с одной стороны, конситуативные АВК, по всей видимости, являют собой продукт метонимического расширения собственно-возвратной модели через посессивно-рефлексивные конструкции (действие, направленное «на себя» \Rightarrow на «свой» неотчуждаемый объект \Rightarrow на какой-то объект в пространстве деятеля, идентифицируемый преимущественно в силу того, что на него направлено действие); такое развитие соотносимо с понятием грамматикализации. С другой стороны, некоторые конситуативные АВК, частотные в речи определенных языковых сообществ, подвергаются лексикализации, за ними закрепляется уже не конситуативное, а внеситуативное лексикализованное прочтение (например, на студенческом сленге глагол *сдаваться* приобретает значение ‘сдавать экзамен или зачет’).

Глаголы, подобные русским лексическим АВГ, фиксируются во множестве языков; такого рода лексикализованные прочтения типичны для антипассивных образований. Русские же конситуативные АВГ оказываются в типологическом отношении крайне нетривиальным явлением. Дело в том, что употребление конситуативных АВК в речи связано с особыми дискурсивными условиями. Для одноместных антипассивных конструкций типологически наиболее характерна семантика обобщенного или хабитуального объекта (что типично в русском языке для абсолютивных возвратных глаголов – явления, принципиально отличного от рассматриваемых АВК). При этом в конситуативных АВК опущенным может оказаться участник с любым референциальным статусом, в частности, и очень высоким. Однако опускаемые участники обладают особым дискурсивным статусом. Конситуативные АВК отражают своего рода компромисс между двумя другими возможными стратегиями: 1) использованием обычной переходной конструкции, которая часто имеет ту импликацию, что состояние участника, выраженного прямым дополнением, дискурсивно важно для говорящего, именно в этой позиции часто вводятся новые участники, которые не упоминались до этого, но о которых речь еще будет идти в дальнейшем, и 2) использованием эллиптической конструкции с незаполненной позицией прямого дополнения, что характерно прежде всего для случаев, когда соответствующий участник уже является данным, например, из-за предшествующего упоминания в тексте. В этом смысле конситуативные АВК характерны для случаев, когда подразумеваемый участник является доступным (*‘accessible’*) для слушающего (не являясь при этом данным), но прагматически оказывается нерелевантным. Так, например, для говорящего, породившего высказывание (16), потенциальный Р-участник («покупка») находится вне

фокуса внимания, его внимание сосредоточено на хронологическом распределении действий, ассоциирующихся с определенными культурно заданными фреймами (продавец и покупатель разделяют то общее знание о мире, что покупку обычно нужно завернуть).

Развитие антипассивных функций у медиального (в конечном счете рефлексивного по происхождению) показателя является широко засвидетельствованным в языках мира каналом грамматикализации. Однако русские конситуативные АВК являются грамматикализационно очень молодым явлением, для таких явлений характерна ориентация скорее на дискурсивно-прагматическое, чем на собственно семантическое моделирование действительности. Принципиально важно, однако, то, что говорящие по-русски способны осуществлять непосредственно в момент речи моделирование внешней действительности, оперируя такой принципиально важной грамматической категорией, как переходность. При этом процесс выбора дискурсивно наиболее адекватной синтаксической структуры (переходной или непереходной) идет в какой-то степени независимо от подбора собственно лексических средств заполнения этой структуры. Сказанное подтверждает тот тезис, что аргументные конструкции наделены самостоятельным статусом в грамматике (по крайней мере русского языка), а не являются простым результатом проецирования требований вершинного глагола.

В **заключении** показывается, что стремление «развести по разным ведомствам» семантико-прагматические и формально-синтаксические свойства антипассивных конструкций, иногда навязываемое существующим аппаратом описания аргументных структур, наталкивается на значительные трудности при обращении к конкретным языковым данным. Перспективным является только такой подход к анализу структур простого предложения, который одновременно учитывал бы и дискурсивную, и собственно синтаксическую, и лексическую стороны соответствующих явлений, – для естественного языка характерно скорее постоянное динамическое взаимодействие названных аспектов, чем их сравнительно автономное существование.

Основные положения и научные результаты диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Сай С.С. Языковое разнообразие: анализ концепции Дж. Николс // Вторая зимняя типологическая школа: Материалы международной школы-семинара молодых ученых по лингвистической типологии и антропологии. — М.: РГГУ, 2000. — С. 167-168.

2. Сай С.С. Отношения синтаксической зависимости: набросок типологического исследования // III Межвузовская научная конференция студентов-филологов: Тезисы докладов, часть 2. — СПб.: СПбГУ, 2000. — С. 27.
3. Сай С.С. О порядке слов в русском атрибутивном словосочетании (по данным анализа разговорной речи) // Русская филология 12. — Тарту: Tartu Ülikooli, 2001. — С. 171-178.
4. Roussakova M., Sai S., Bogomolova S., Guerassimov D., Tangisheva T., Zaika N. On the mental representation of Russian aspect relations // Morphology 2000: Selected papers from the 9th Morphology Meeting, Vienna, 24-28 February 2000 / Ed. by S. Bendjaballah et al. — Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2002. — P. 305-312.
5. Sai S. Russian verb morphology: Some theoretical considerations in comparison with speech errors data // Nordic and Baltic morphology: Papers from A NorFA Course, Tartu, June 2000 / Ed. by Jussi Niemi & Janne Heikkinen. — Joensuu: Joensuun yliopistopaino, 2001. — P. 88-98.
6. Сай С.С. О самостоятельном выполнении русским прилагательным номинативной функции // IV межвузовская конференция студентов-филологов. — СПб.: СПбГУ, 2001. — С. 85-86.
7. Sajus S. Dėl gramatizavimo sintaksėje: žodžio tvarkos įvairavimo sinchroninis ir diachroninis aspektai lietuvių kalboje // Studentu zinātniskās konferences "Aktuāli baltistikas jautājumi" tēzes. — Rīga: Latvijas Universitāte, 2001. — 27-28.
8. Сай С.С. Вершинно-зависимостные отношения (данные русского языка в типологическом освещении) // Русская филология 13. — Тарту: Tartu Ülikooli, 2002. — С. 247-253.
9. Сай С.С. О факторах, влияющих на варьирование порядка слов в литовском языке // Третья зимняя типологическая школа. Международная школа по лингвистической типологии и антропологии. Московская область, 29 января – 6 февраля 2002 г.: Материалы лекций и семинаров. — М.: РГГУ, 2002. — С. 236-238.
10. Гращенков П.В., Сай С.С. Категория прилагательного в русском языке в свете теории и типологии адъективных систем // Третья зимняя типологическая школа. Международная школа по лингвистической типологии и антропологии. Московская область, 29 января – 6 февраля 2002 г. Материалы лекций и семинаров. — М.: РГГУ, 2002. — С. 134-136.

11. Сай С.С. Синтаксическое отсутствие: грамматикализация и идиоматизация // V межвузовская студенческая конференция филологов. Тезисы. — СПб: СПбГУ, 2002. — С. 93-94.
12. Русакова М.В., Сай С.С. О функциональной специфике русского прилагательного в связи с понятием «имя» // Индоевропейское языкознание и классическая филология – VI: Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского, 24-26 июня 2002 г. / Отв. ред. Н.Н.Казанский. — СПб: Наука, 2002. — С. 154-159.
13. Сай С.С. Субстантивация и безглагольные высказывания: общие закономерности // Русская филология 14. — Тарту: Tartu Ülikooli, 2003. — С. 270-275.
14. Сай С.С. Об одном продуктивном типе актантной деривации в русской разговорной речи // Грамматические категории: иерархии, связи, взаимодействие: Материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 22-24 сентября 2003 г. / Отв. ред. В.С.Храковский. — СПб: Наука, 2003. — С. 141-146.
15. Сай С.С. Окказиональная транзитивация в русской речи // Русская филология 15. — Тарту: Tartu Ülikooli, 2004. — С. 277-284.
16. Say S. Grammaticalization of word order: Evidence from Lithuanian // Up and down the cline: The nature of grammaticalization / Ed. by O. Fischer, M. Norde and H. Peridon — Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2004. — P. 363-384.
17. Say S. Antipassive *-sja* verbs in Russian: between inflection and word formation // 11th International Morphology Meeting. Abstracts. — Wien: Universität Wien, 2004. — P. 133-135.
18. Say S. The so-called ‘backward control’ and clausal complements of ‘begin’ type verbs in Adyghe // International simposium [sic!] “The Typology of Argument Structure and Grammatical Relations”. 11-14 May, 2004, Kazan. Proceedings / Ed. by B. Comrie, P. Suihkonen, V. Solovyev. — Kazan: Otechestvo, 2004. — 110-112.
19. Say S. Non-anaphoric verbless sentences in Russian: towards a constructional approach // ISAPL 2004 (7th Congress of International Society of Applied Psycholinguistics). Challenging tasks for psycholinguistics in the new century: Book of abstracts. — Cieszyn: University of Silesia, 2004. — P. 105-106.
20. Сай С.С. Лексическая семантика глагола и антипассивная деривация // Первая Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей: Тезисы докладов. Санкт-Петербург, 24-25 сентября 2004 г. / Под ред. Д.В.Герасимова, С.Ю.Дмитренко, Н.М.Заики, С.С.Сая. — СПб.: Наука, 2004. — С. 86-90.

21. Сай С.С. Об одной продуктивной модели каузативации в спонтанной русской речи // Русский язык: исторические судьбы и современность: II Международный конгресс исследователей русского языка. (Москва, МГУ им. М.В.Ломоносова, филологический факультет, 18-21 марта 2004 г.). Труды и материалы / Сост. М.Л.Ремнева, О.В. Дедова, А.А. Поликарпов. — М.: МГУ, 2004. — С. 324-325.
22. Say S. Antipassive in Russian and its pragmatic motivation // New developments in linguistic pragmatics. Abstracts // Ed. by B. Lewandowska-Tomaszczyk & P. Cap. — Lodz: Wydawnictwo Uniwersytetu Lodzkiego, 2004. — P. 27.
23. Say S. Antipassive *Sja*-Verbs in Russian: Between Inflection and Derivation // Morphology and its demarcations / Ed. by W.U. Dressler, D. Kastovsky, O.E. Pfeiffer & F. Rainer. — Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2005. — P. 253-275.
24. Say S. The life cycle of antipassive construction // Association for Linguistic Typology. 6th Biennial Meeting. Abstracts. — Padang: Universitas Bung Hatta, 2005. — P. 115-116.
25. Say S. Antipassives and A-relativization: between syntax and discourse pragmatics // Четвертая типологическая школа. Международная школа по лингвистической типологии и антропологии. Ереван. 21-28 сентября 2005 г.: Материалы лекций и семинаров. — М.: РГГУ, 2005. — С. 55-57.
26. Сай С.С. Прагматическая мотивация депациентивных возвратных глаголов в русской разговорной речи // Вторая конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Материалы. Санкт-Петербург, 3-5 ноября 2005 г. / Ред. А.П.Выдрин, Д.В.Герасимов, С.Ю.Дмитренко, С.С.Сай. — СПб: Наука, 2005. — С. 113-118.
27. Say S. The pragmatic motivation of antipassive in Russian // Pragmatics today [= Łódź Studies in Language, 12] / Ed. by P. Cap. — Frankfurt/Main: Peter Lang, 2005. — P. 421-440.
28. Say S. Source- and product-oriented schemas in the semantics of the Russian *sja*-verbs // 12th International Morphology Meeting. Budapest. May 25-28, 2006: Abstracts. — Budapest: Research Institute for linguistics, 2006. — P. 126-127.
29. Say S. The form-function mismatches in the Russian “relative” clauses // The grammar and pragmatics of complex sentences in languages spoken in Europe and North and Central Asia. International linguistic symposium. Tomsk (Russia), 27-30 June, 2006: Book of abstracts / B. Comrie et al. (eds.). — Томск: Вереп, 2006. — P. 156-157.

30. Калашникова К.В., Сай С.С. Системные отношения между классами русских рефлексивных глаголов в связи с их частотными характеристиками (по данным корпусного исследования) // Проблемы типологии и общей лингвистики. Международная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения проф. А. А. Холодовича. Санкт—Петербург, 4-6 сентября 2006 г.: Материалы / Под ред. В. С. Храковского, С. Ю. Дмитренко, Н. М. Заики. — СПб.: Нестор – История, 2006. — С. 56-64.
31. Сай С.С. Прагматически обусловленные возвратные конструкции «опущенного объекта» в русском языке // Вопросы языкознания — 2007, № 2. — С. 75-91.
32. Макарова А.И., Сай С.С. Взаимодействие некоторых характеристик русских именных групп (статистический аспект) // Четвертая конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Материалы. Санкт-Петербург, 1-3 ноября 2007 г. / Под ред. Д.В. Герасимова, С.Ю. Дмитренко, С.С. Сая. — СПб.: Наука, 2007. — С. 19-124.
33. Сай С. С. К вопросу о семантической классификации русских возвратных глаголов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена — 2008, № 29 (65).
34. Русакова М.В., Сай С.С. Глагольная парадигма в индивидуальных системах носителей русского языка и проблема грамматического вида // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика — 2008, № 2.